

ПЕДАГОГИКА И ПОЛИТИКА

ИНВАЛИДЫ И СФЕРА ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ¹

Общественное движение «Образование для всех» провело в Государственной Думе общественные слушания «Дискриминация инвалидов в сфере образования в России: пути преодоления». Продолжаем публиковать выступления (в сокращении) участников слушаний.

Ольга Викторовна Михайлова, заместитель руководителя Департамента социальной защиты населения Москвы:

— Нормативно-правовые акты и федеральные законы, которые вступили в действие ещё в 1995 г., по своей концепции и по тем посылам, которые были в них заложены, верны в том, что реабилитация людей с ограниченными возможностями — процесс индивидуальный. Поэтому на уровне Российской Федерации и на уровне субъектов Федерации должны быть нормативы и реабилитационные технологии для каждой категории детей с нарушениями в зависимости от того, каковы степень и причина этого нарушения. К каждому ребёнку должен быть индивидуальный подход. И в зависимости от того, каковы потенциальные возможности этого ребёнка, можно говорить о том, какую систему реабилитационных мероприятий (в том числе и образовательных) в системе общего образования либо в специальных коррекционных образовательных учреждениях можно использовать. На уровне Российской Федерации должны быть закреплены стандарты реабилитационных мероприятий в зависимости от степени нарушений, видов патологии и от реабилитационного потенциала ребёнка.

¹ Окончание.

Начало см.:
«СП», 2007,
№ 2.

Мы провели такое исследование. Взяли детишек, которые живут в наших интернатных учреждениях, и тот спектр услуг, который они получают по медицинской реабилитации (массаж, бассейн и т.д.), по социокультурной реабилитации, по творческому развитию, по образовательным и воспитательным программам в этих учреждениях, и взяли детей, который живут дома и прикреплены к нашим центрам социального обслуживания. И оказалось, что в интернатных учреждениях дети получают больше, чем те, кто живёт дома. Слава богу, мы достигли такого уровня (я это ответственно заявляю!), когда Москва может предоставить своим детям такие условия.

Разумеется, какие бы условия ни были в интернате, детям лучше быть в семье, поэтому мы с радостью сообщаем, что в Москве больше детей-инвалидов, которые остаются в семье. Создаём при домах-интернатах отделение дневного пребывания: ребёнка, как в детский сад, родители приводят к восьми часам утра, забирают его от шести до восьми часов вечера. Таким образом, родители могут работать, ребёнок живёт в семье, но у него есть те же возможности, как и в стационаре. Первое такое отделение открыли на базе 15-го дома-интерната в Западном административном округе, второе — в Южном Бутове. Пока эти отделения недозагружены.

Григорий Янкелевич Цейтлин, заведующий отделением реабилитации НИИ детской онкологии и гематологии Российского онкологического центра им Н.Н. Блохина, доктор медицинских наук, профессор:

— В последние 20 лет благодаря новым лечебным технологиям лечение в детской онкологии стало значительно более эффективным, сегодня выздоравливают более половины заболевших детей, а при некоторых формах опухолей — 70 и более процентов.

По оценкам специалистов, в США в течение ближайших десятилетий один из 250 взрослых будет человеком, пережившим в детстве рак. Такой же процент можно ожидать и в России к середине XXI века. Об этом многие не знают, но сегодня в нашей стране живут десятки тысяч людей, излеченных в детстве от злокачественных новообразований.

Чем успешнее медицина борется с болезнью, тем важнее становятся проблемы социально-психологического характера. Длительное и тяжёлое лечение сопровождается ограничением двигательной и умственной активности, на несколько лет отрывает этих детей от их привычной среды, от общения со сверстниками, от школы. Это настоящая социальная депривация, которая ведёт к выраженной социально-психологической дезадаптации.

Без специальных реабилитационных программ эти дети войдут в группу повышенного социального риска, им очень трудно стать полноценными членами общества, особенно при общественном расслоении и конкуренции. К сожалению, сегодня *комплексная медико-социальная помощь* онкологическим больным практически отсутствует, устойчива тенденция к росту всего комплекса неблагоприятных медико-социальных последствий онкологических заболеваний.

Ребёнок с онкологическим заболеванием, получающий лечение в стационаре, выключен из учебного процесса, потому что, как правило, в клинике не создаются условия для учёбы. А ведь образование — важнейшее условие развития любого ребёнка, определяющее его социальную успешность, судьбу. Для ребёнка школьного возраста учёба — ведущая деятельность, которая создаёт условия для нормального психического развития.

В стране нарушаются права детей с онкологическими и другими тяжёлыми, хронически протекающими заболеваниями, на непрерывное образо-

Общественные слушания в Государственной Думе
ИНВАЛИДЫ И СФЕРА ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

вание. Мы провели в этом году исследование в тех центрах России, где лечат детей с онкологическими заболеваниями: оказалось, что практически нигде нет условий для того, чтобы детей учить во время лечения.

Образовательная программа занимает центральное место среди мероприятий, направленных на социальную реабилитацию. Очень важно соблюдать принципы непрерывности образования на этапе специального лечения и на этапе диспансерного наблюдения. Для этого есть серьёзные юридические основания. В соответствии со статьёй 43 Конституции РФ, статьёй 5 Закона РФ «Об образовании» и статьями 18 и 19 Закона РФ «О социальной защите инвалидов в РФ» детям, находящимся на длительном лечении, должно быть обеспечено право на получение бесплатного начального, основного и среднего общего образования. Есть и международные акты, ратифицированные РФ: «Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов» (приняты Генеральной Ассамблеей ООН 20 декабря 1993 г.).

Эта задача до сих пор не решена: более половины заболевших детей серьёзно отстаёт от школьной программы, и им в дальнейшем очень сложно догнать своих сверстников. Наряду с другими факторами это усугубляет социальную дезадаптацию ребёнка.

Опыт Института детской онкологии, где удалось благодаря содействию первого вице-преьера московского правительства Л. Швецово и начальника Департамента образования Л. Кезиной открыть в 2000 г. школу, показал, что дети даже при тяжёлом лечении не только хотят, но и могут учиться.

Академическая реабилитация невозможна без организующей роли специалиста социальной работы с высшим образованием: он контролирует, как ведётся обучение, объясняет в школах, где учились дети с онкологи-

ческими заболеваниями, как можно и нужно помогать. Без этой работы очень затруднено и болезненно возвращение ребёнка в школу.

В медицинских учреждениях специалистов социальной работы практически нет, за исключением тех единичных случаев, когда администрация понимает значение такого рода работы и вводит в штатное расписание соответствующие ставки. В этом мы на десятки лет отстаём от западных клиник, где психологи и социальные работники наряду с медиками давно уже стали полноправными членами лечебной команды.

Подготовка таких специалистов в стране ведётся. Учитывая важность этой проблемы для реализации права детей-инвалидов на образование, считаю, что Комитет по образованию и науке Госдумы должен обратиться в Минздравсоцразвития РФ и другие ведомства с поручением разработать нормативную базу, отсутствие которой тормозит появление этих специалистов в лечебно-профилактических учреждениях.

Есть ещё один пример нарушения права детей-инвалидов на полноценное образование — низкое качество надомного обучения, на котором наши дети вынуждены находиться иногда длительное время, так как часто по медицинским противопоказаниям они не могут посещать школу. В подавляющем большинстве случаев школа организует домашнее обучение по остаточному принципу. Считаю, что профильный комитет Госдумы, организовавший эти слушания, должен принять конкретные и эффективные меры для исправления этой дискриминационной ситуации.

Валентина Егоровна Дымова, директор профессионального училища № 16, г. Электросталь Московской области:

— У нас в городе четыре училища, наше — строительное с 1940 г.

Развитие профессионального кругозора, творческого потенциала, речи, подготовка рабочих кадров — это задачи, которые мы решаем. Самое главное — конкурентоспособность наших выпускников на рынке труда.

Я работаю 19 лет директором. С 1994 г. мы обучаем строительным профессиям. Раньше подобное учебное заведение называлось «вспомогательным», — это «школа-интернат 7–8 вида» — для умственно отсталых детей.

Обычно мы создаём для них специальные группы (нормативное количество — 12 человек, у нас 12–15). Если дети хотят поменять профессию, мы их переводим, включаем в обычные группы, с обычными детьми из обычных школ, группы профессионального обучения, без среднего образования (в училище есть и такие группы). Наши не выделяются из среды своих здоровых сверстников, обучаемы так же, как и другие дети.

Сначала было очень трудно: дети трудились с удовольствием, они очень любят трудиться, а вот теорию не воспринимали или воспринимали с трудом. Некоторые даже сбегали с уроков, с теории, потому что тяжело вато им было. Мы разработали программу развития профессионального обучения детей с ограниченными возможностями здоровья, и она оказалась очень эффективной.

Задача этой программы — обеспечить права учащихся на качественное профессиональное образование, воспитать интерес к профессии. Мы работаем с двумя интернатами, и у нас есть ещё интернат первого и второго вида — для глухих детей, мы их обучаем с 2002 г. В школе мы начинаем профориентационную работу и готовим детей к осознанному выбору тех специальностей, которые есть у нас в училище.

Мы так говорим детям: «Это пока первая твоя специальность, пока первая профессия. Потом, может быть, у тебя будут и другие профессии, может быть, ты откроешь своё дело и будешь хозяином положения. Но сейчас самое главное: тебе нужно получить диплом и начать работать!» Хотя тот документ,

который они получают, называется «Свидетельством о присвоении квалификации», мы их называем «дипломы» для повышения статуса учащихся — детей из коррекционных школ.

Во главу угла мы ставим развитие нашего училища как ресурсного центра и подготовку педагогических кадров, потому что обычными классическими методами обучать таких детей невозможно. У нас индивидуальный подход, дифференцированный; уроки нетрадиционные, с игровыми моментами — урок КВН, урок брейн-ринг, урок «Поле чудес», урок, где используются тесты, лото, домино, эстафета знаний. В практическом обучении главный объединяющий момент — конкурсы профмастерства в каждой группе. Ребята очень серьёзно и ответственно относятся к этим конкурсам, охотно в них участвуют и неплохо выступают.

У нас получают специальности: плотник, штукатур, маляр, плиточник, монтажник сантехсистемы оборудования и швея. По этим профессиям мы обучаем коррекционные группы. В учебных мастерских мы даём ученикам возможность производить продукцию, необходимую людям.

На наших испытательных объектах, на стройках ребята трудятся вместе с мастером: им дают объекты, и они выполняют ремонтные, плотницкие работы, оштукатуривают новые дома. Директорам школ-интернатов очень нравится, что теперь их дети во время производственного обучения ремонтируют помещения, профессионально выполняют другие полезные работы: штукатурные, малярные, плотницкие.

Мы участвуем в областных ярмарках, и там представляем швейные изделия, выполненные нашими учениками. Мы специально так и пишем, что это — изделия учащихся наших коррекционных групп. И представьте, эти изделия вызывают большой интерес,

**Общественные слушания в Государственной Думе
инвалиды и сфера образования в России**

потому что наши швеи владеют лоскутной техникой, изготавливают очень интересные игрушки.

В нашем училище у каждого есть дипломная работа, а швеи приходят на вечера в своих вечерних платьях, костюмах — это их выпускные, дипломные работы.

Большинство наших детей трудоустроены, имеют рабочие места. По окончании училища мы всех трудоустроиваем. Практически все легко устраиваются в Московской области, так как они — жители Подмоскovie. Их принимают на работу на предприятия, например, на фабрику «Салют».

Профессиональное образование, реабилитация таких детей через профессиональное образование — это очень удачное решение. И не всегда «особому» ребёнку нужно идти в институт, в техникум. Ему для начала надо получить рабочие профессии: одну, другую, особенно это важно для умственно отсталых детей. С нашими дипломами те, кто работает на рабочих должностях на предприятиях, — поступают в вечерние школы, повышают уровень образования и профессиональной квалификации.

Татьяна Павловна Медведева, сотрудник Российского благотворительного фонда «Даун-сайт-ап»:

— Наш благотворительный фонд оказывает бесплатную психолого-педагогическую помощь семьям, воспитывающим детей с синдромом Дауна от рождения до восьми лет, после чего наши выпускники переходят в систему школьного образования.

Как известно, законодательная база в нашей стране позволяет и даже рекомендует проводить инклюзивное образование. Но, к сожалению, эти законы не обеспечены соответствующими механизмами исполнения: у нас нет ни подзаконных актов, которые позволили бы реализовать эти законы, ни со-

ответствующих финансовых ресурсов, технического обеспечения, методики работы, специалистов, которые могли бы работать по программам инклюзивного образования.

Для ребёнка-инвалида, безусловно, совершенно необходимо, чтобы его так называемый социальный путь был бы прописан от рождения до окончания школы и его трудоустройства. Если начальное звено этого пути (ранняя помощь и интегрированное обучение в детских садах) хотя и не очень распространено в нашей стране, но тем не менее для него существуют соответствующие модели: для ранней помощи это модель, которую предоставляет «Даун-сайт-ап», или санкт-петербургская модель, для интегративного образования в детском саду есть такие модели, как «Детский сад — наш дом», то для инклюзивного школьного образования моделей нет. Когда мы посылаем ребёнка учиться в школу (это касается как ребёнка-инвалида, так и обычного ребёнка), мы ожидаем от школы, что она обеспечит ему, с одной стороны, обучение, а с другой стороны, научит его взаимодействию (в системе инклюзивного образования развитие коммуникативных навыков и взаимодействие между детьми даже важнее, чем знания).

Современная обычная массовая школа на сегодняшний день требует от ребёнка соответствия той программе, по которой ведётся обучение, — как по исходному уровню, так и по темпу усвоения знаний. Специализированные программы требуют от детей то же самое: ребёнок, поступающий, например, в школу восьмого вида, должен соответствовать школе восьмого вида по исходному уровню и должен учиться по этой программе в соответствующем темпе.

Что касается взаимодействия между детьми, то традиционной учебный процесс не предполагает взаимодействия между детьми вообще, и указания,

На основе многолетнего опыта утверждаю: дети — и умственно отсталые, и глухие, и слабослышащие, — все они обучаемы, мы можем и должны их учить!

Модели, по которым могли бы быть построены такие занятия, существуют, апробируются в детских садах: «Наш дом», № 1465, организациями «Дети Мариинки», Центр «Тверской».

которые даёт учитель на уроке, имеют скорее ограничительный характер: не разговаривай, не толкайся, не вставай. Общаются дети после уроков, что находится за рамками школьного процесса. Что касается их общения между собой на переменах, то маленьким детям и детям с умственной отсталостью перемена даёт возможность поговорить, но там нет предметного взаимодействия, которое лежит в основе их общения.

Предлагаем модель, которая включает наработки в системах общего и специального образования и при этом позволяет детям учиться в инклюзивной ситуации. Мы предлагаем для начальной школы поместить в каждый класс, так как положено по принципам интеграции, 10–20% детей с нарушениями развития. При этом проводить занятия для них в следующей структуре: уроки по базовым предметам (русский язык, математика и чтение), которые не предполагают коммуникацию между детьми, вести раздельно — по программам для детей с особенностями развития и для обычных детей, что позволит использовать наработки нашей дефектологии и не менять программу для детей, обучающихся в обычной школе.

Что касается других уроков — пение, рисование, труд, физкультура, эти уроки дают прекрасную возможность для развития коммуникации. И если изменить структуру этих уроков и провести переподготовку преподавателей, которые их ведут, таким образом, чтобы вся группа детей вместе (и обычные дети, и дети с нарушениями в развитии) выполняли общее задание, договариваясь между собой и распределяя между собой роли в соответствии со своими возможностями и потребностями, то мы получили бы реальный инклюзивный процесс, деловое и дружеское взаимодействие между детьми.

Что касается средней и старшей школы, то, безусловно, здесь проблемы

интеграции становятся более сложными, потому что нарастает количество предметов-специализаций и количество предметов, по которым преподавание ведётся достаточно абстрактно. И довольно трудно найти те предметы, которые дети со сложными интеллектуальными нарушениями и обычные дети могли бы посещать вместе, чтобы для детей с особыми потребностями эти предметы были тоже понятны. Можно укрупнить группы особых детей, и это даст возможность выбирать себе новых друзей. А для их интеграции можно ввести обязательные уроки театральной деятельности, которые позволяют детям вместе проводить весь процесс постановки, договариваясь друг с другом о распределении ролей, и не только тех, которые они играют на сцене, но и тех, которые они выполняют в жизни при этом взаимодействии. Такая модель была бы чрезвычайно полезна не только для детей с особыми потребностями, но и для детей обычных, потому что они получили бы опыт делового сотрудничества, возможность попробовать себя в различных ролях, научиться вырабатывать стратегии поведения, проверять себя и взаимодействовать.

Ольга Яковлевна Литвак, сотрудник Ивановской областной общественной организации инвалидов с детства «Солнышко»:

— Я представляю организацию, объединяющую родителей детей с синдромом Дауна. Безусловно, должны сохраниться оба возможных пути для образования наших детей: и специальное, и общее образование, и право родителей выбирать наиболее приемлемый для них путь (так и прописано в законе «Об образовании»).

Дискриминация лиц с синдромом Дауна в области образования, безусловно, существует, причём начинается она со сферы здравоохранения, с самого

**Общественные слушания в Государственной Думе
инвалиды и сфера образования в России**

рождения ребёнка. К сожалению, до сих пор родители новорождённого ребёнка с синдромом Дауна часто получают от врача совершенно неверную информацию. Я не обвиняю врачей, их так учили. Но при нашем диагнозе очень много, если не всё, зависит от родителей, а если родителям говорят, что ребёнок не способен к обучению, они не будут за это биться должным образом и упустят время для раннего развития.

Решать эту проблему нужно «сверху», потому что переучивать психиатров «снизу» не получается, наша пропаганда не действует. Родители просто перестают ходить со своими детьми к психиатрам, пользуясь законом о психиатрической помощи, в котором утверждается её добровольность. Но таким образом медицинское сопровождение ребёнка исчезает.

В подавляющем большинстве случаев детям с синдромом Дауна ставится диагноз, который и рождает дискриминацию в области образования. Для того чтобы попасть в специальный сад и в обычный класс специальной школы 8-го вида, нужно иметь лёгкую степень интеллектуальной недостаточности, обозначаемую как Ф-70. Этот диагноз очень трудно получить, потому что существует привычный расклад, который повторяется в самых современных справочниках по дефектологии: 70% людей с синдромом Дауна имеют олигофрению в степени имбецильности, 25% — в степени идиотии и только 5% — дебильности, т.е. лёгкую степень (по не отменённым инструкциям именно последние могут претендовать — как «обучаемые» — на специальный сад и школу). Если ребёнок показывает какие-то успехи, он случайно попадает в эти 5%.

Для ребёнка с синдромом Дауна очень важно как можно раньше попасть в детский сад, причём лучше всего — в обычный: это развивает речь, даёт общение, социальные навыки. Что касает-

ся дошкольного образования, то с этим в нашем регионе по-прежнему очень сложно. У нас есть в городе один ребёнок с синдромом Дауна, который ходит в массовый сад, работающий по системе Монтессори. И это единичный случай, про который чиновники так и говорят: есть этот один ребёнок и другого не будет. Мама, которая хотела бы водить своего ребёнка в массовый сад по месту жительства, получила ответ на своё обращение от мэра города: «Приём в дошкольные образовательные учреждения общего типа детей с синдромом Дауна противопоказан». Пока мы переписываемся с властями и обиваем пороги, дети растут и теряют шансы на будущую социальную адаптацию, на интеграцию в общество. Кто за это ответит?

Мы предлагаем не на бумаге, а на деле дать самостоятельность руководителям образовательных учреждений. Потому что всё-таки найти человека, директора детского сада или школы, который захочет пойти навстречу, наверное, легче, чем чиновника, который возьмёт на себя ответственность это «разрешить». Предубеждение основано на незнании наших детей, которым пора в сад.

Дальше школа. Со школой, как ни странно, легче: дискриминации в сфере школьного образования детей с синдромом Дауна стало меньше. Шесть лет назад даже в школу 8-го вида такие дети попадали лишь в исключительных случаях, сейчас в них попасть можно. Беда только в том, что появилась тенденция создавать там для этих детей особые классы, с ещё более упрощённой программой (в старых терминах — «классы для имбецилов»). То, что даже специалист не может за одну короткую встречу с ребёнком в стрессовой для него ситуации выявить потенциал его развития, — это, я думаю, все понимают: рекомендация в специальный класс специальной школы даётся по стереотипу. Между тем

Если рано начать развитие ребёнка и обеспечить ему эмоциональный комфорт, большинство таких детей попадёт в категорию лёгкой и умеренной умственной отсталости. А раз всё зависит от развития, то просто преступление, если ребёнка этого лишают. Его таким образом лишают будущего!

Классическая отечественная дефектология говорит о том, что планку эту нужно ставить выше, что нужно помещать ребёнка с интеллектуальной недостаточностью в среду сверстников, превышающих его по развитию, чтобы он мог за ними тянуться. Опыт обучения детей с таким диагнозом в двух школах восьмого вида, в речевой школе и, наконец, в массовой подтверждает это.

развитие наших детей зависит от веры в них и высоты установленной планки.

→ И ещё одна проблема. Если родители хотят учить ребёнка на дому (такое желание — из опасения, что ребёнка будут обижать, — встречается часто), получить необходимую медицинскую справку крайне сложно. Психиатры её не дают, ссылаясь на очень старое инструктивное письмо Министерства просвещения РСФСР от 28 июля 1980 г., абсолютно дискриминационное, где, в частности, написано, что «не даётся право на индивидуальное обучение детям со слабоумием в степени имбецильности». Ну а оспорить стереотипный диагноз родителю, не имеющему медицинского образования, весьма сложно. Этот подзаконный акт, противоречащий закону, должен быть отменён незамедлительно.

Теперь об обучении ребёнка с синдромом Дауна в массовой школе. Надо признать, что оно требует от родителей очень больших затрат сил и времени. Думаю, что пока таких случаев много не будет. Но если родители детей с особенностями развития всё-таки выбирают инклюзивное образование, нужно, чтобы органы управления образованием не просто позволяли общеобразовательным школам принимать таких детей, но и всячески это поощрять. Мы шесть лет бились за то, чтобы ребёнка приняли в школу по месту жительства, и всё время наталкивались на аргумент «нам не разрешат». И действительно, не разрешали. Но в конце концов директор этой школы Ольга Михайловна Крылова (её имя я с удовольствием озвучиваю) нашла такой вариант, который, может быть, есть только у нас. Школа заключила с родителями договор, в котором прописано, что они не будут требовать аттестата для ребёнка, что он учится в безотметочном режиме и переводится из класса в класс по возрасту. Там же сказано, что он присутствует в школе вместе с матерью.

Этот договор прежде всего защищает школу от вышестоящих чиновников, защищает он и ребёнка от «двоек», неизбежных при отсутствии учёта его особенностей. Родителей он пока устраивает; если они увидят, что сын готов пройти полную или частичную аттестацию, видимо, можно будет заключить со школой новый договор. Присутствие матери в школе нужно только потому, что сын пришёл туда в середине 5-го класса, и пока они «учатся учиться».

Безусловно, школа должна быть поощряема за интеграцию инвалидов не только морально, но и материально, тогда можно и от учителей требовать специальных подходов, особого внимания. Но преимущества инклюзивного образования и сейчас перекрывают все сложности.

Даёт силы пример 12-летнего мальчика из Вильнюса, Ромы Войничя, с синдромом Дауна. По литовским законам он был своевременно принят в массовый сад, а в семь лет пошёл в общеобразовательную школу рядом с домом без всякого сопровождения. Как и воспитатели в детском саду, учителя в школе получают за работу с ребёнком-инвалидом надбавку к зарплате.

Рома учится сейчас уже в 6-м классе, говорит по-русски, по-польски, изучает литовский и английский. Математика (которая обычно вызывает особую трудность) у него идёт даже лучше русского. Он учится по общей программе и не получает, как он с гордостью написал моему сыну, оценок ниже восьми (по 10-балльной системе). У него масса друзей. Вот что может дать включение ребёнка с синдромом Дауна с самого раннего детства в систему общего образования.

Хотелось бы, чтобы у нас было так же: чтобы для каждого ребёнка с особенностями развития был выстроен образовательный путь, дающий максимально возможную реабилита-

**Общественные слушания в Государственной Думе
инвалиды и сфера образования в России**

цию и шансы на полноценную жизнь в обществе. И чтобы родителям не надо было терять здоровье в борьбе за то, что им гарантирует закон.

Эмилия Ивановна Леонгард, руководитель Центра Леонгард по обучению и социокультурной реабилитации глухих и слабослышащих детей:

— Как известно, глухие дети получают диагноз в сурдоцентрах или в областных поликлиниках, там, где им обследуют слух и дают рекомендации по поводу лечения и обучения. Таким образом, самую первую рекомендацию по образованию родители часто получают не от педагогов, а от врачей — аудиологов, сурдологов, далеко не всегда компетентных в вопросах обучения таких детей.

Существует определённое, уже устоявшееся мнение о том, что все дети с нарушением слуха должны учиться в интернатах. Между тем специалисты становятся «центрами» образовательной дискриминации детей с нарушением слуха. Это не значит, что нельзя проводить специальное коррекционное обучение в специальных учреждениях, в специальных школах. Но интернат как место, где дети оказываются социальными сиротами при живых родителях, это, конечно, явление, не имеющее права на существование.

Мы считаем, что должна быть создана федеральная программа (с указанием сроков её завершения), в рамках которой по плану во всех родильных домах страны в обязательном порядке будет проводиться ранняя диагностика (скрининг) всех новорождённых для выявления у них нарушений слуха.

Сегодня говорилось о том, насколько важна роль родителей. Кстати, это записано и в Законе «Об образовании». Но когда дети попадают в сурдоцентры и в областные поликлиники, очень часто родителям не говорят о том, что они обязаны сразу начать за-

ниматься с детьми. Сурдоцентры и поликлиники относятся к системе здравоохранения, поэтому необходимо объединить усилия министерств образования и здравоохранения: в сфере работы с детьми-инвалидами этим двум ведомствам нельзя существовать параллельно. Пока же в подавляющем большинстве случаев родителей отлучают от детей: им говорят, что работать с такой трудной категорией детей могут только специалисты и только в интернатах.

Эта позиция опровергается практикой родителей, которые получают квалифицированную многолетнюю помощь специалистов. Примером тому служит «Университет для родителей», который мы почти 40 лет ведём в журнале «В едином строю». Есть методическая литература, которой пользовались и пользуются сейчас тысячи родителей глухих и слабослышащих детей.

Отлучение родителей от воспитания и обучения детей-инвалидов по слуху сразу после установления диагноза — вот начало пути, который потом приводит к исключению, к изоляции детей с нарушенным слухом. Это не значит, что глухих и слабослышащих детей слышащие вообще не принимают в свой мир. Но искусственно сформировано заниженное представление об умственных способностях детей с нарушенным слухом. Даже специалисты, которые принимают решение о приёме детей в массовые школы или в детские сады, работающие в приёмных комиссиях средних специальных, профессиональных и высших учебных заведений, считают, что эта категория детей имеет интеллектуальную недостаточность. Это абсолютно неправильная позиция, которая приводит к тому, что огромное количество людей с сохранным, нормальным интеллектом, с прекрасным потенциалом не живут, не работают в нашей стране так, как они должны жить и работать. Глухие и слабослышащие, которые смогли пройти

Безусловно, нельзя мгновенно ликвидировать интернаты волевым решением, но необходимо создавать такие условия, которые приведут к их отмиранию. Поэтому мы считаем, что государству необходимо вкладывать средства в организацию абилитации/реабилитации детей на самом начальном этапе, а именно в тот момент, когда ребёнок рождается или даже до его рождения.

К сожалению, число детей с нарушением слуха, как и других категорий детей-инвалидов, увеличивается. Дефектологам необходимо проходить переподготовку и становиться специалистами широкого профиля. Вот тогда у нас появится нормальное образовательное пространство, в котором дети будут получать доступное и качественное образование и будут социально интегрированы. Потому что социальная дискриминация возникает там, где есть образовательная дискриминация. Этот узел может и должен быть разрублен.

нормальный путь абилитации/реабилитации с самого детства, получили среднее специальное или высшее профессиональное образование и стали специалистами. Государству необходимо поменять приоритеты и вкладывать средства в раннюю и дошкольную (ре)абилитацию детей с нарушением слуха, тогда начнётся естественное, а не насильственное сокращение количества специнтернатов, появятся новые формы интегрированного обучения.

Далее — проблема слухопротезирования. В этой области — опять-таки претензии к Министерству здравоохранения. Причина в том, что прекрасные слуховые аппараты, которые, при раннем слухопротезировании в сочетании со специальной педагогической работой приводят к великолепным результатам в развитии детей, многие аудиологи детям не рекомендуют. Это абсолютно непрофессиональное поведение «специалистов», потому что если ребёнок сразу же после установления диагноза не получает аппараты и живёт в тишине, то задерживается и его речевое, и умственное, и социальное развитие.

Низкий образовательный уровень большинства выпускников спецшкол-интернатов, слабое владение речью, не позволяющее им получать достойные профессии, самостоятельно общаться со слышащими людьми, вынужденный уход в «свою субкультуру» — всё это результат неправильной государственной политики в отношении детей-инвалидов по слуху.

Эти проблемы должны быть обязательно решены при составлении государственных программ.

Необходимо вести серьёзную работу с руководителями и детских садов, и школ, и профессиональных учебных заведений. Руководителям нужно объяснять государственную политику в отношении детей с нарушением слуха: если эти дети получили необходимую под-

готовку в раннем и дошкольном возрасте и готовы к обучению в массовой школе, они должны обязательно там учиться или в одних классах со слышащими, или в интегрированных классах, или в спецклассах при массовых школах. А глухие и слабослышащие абитуриенты должны иметь равный со слышащими доступ к конкурсным экзаменам. Да, должна оставаться специальная школа для глухих и слабослышащих детей. Но это не должны быть школы-интернаты.

Ирина Валентиновна Максимова, специальная школа — детский сад 6-го вида, Нижний Новгород.

— Я хочу познакомить вас с некоторыми проблемами, которые возникают в работе с детьми с нарушением опорно-двигательного аппарата при включении этих детей в систему общеобразовательной школы.

Очень хорошо, что сейчас в нашей стране по отношению к детям-инвалидам чувствуется переход от концепции «культуры полезности» к концепции «культуры достоинства» в отношении детей с нарушениями развития. Учителя специальных коррекционных школ воспринимают инвалидность не как трагедию ребёнка, а достойно выполняют свой профессиональный долг.

Несколько иная ситуация складывается тогда, когда наши дети начинают переходить в общеобразовательные учреждения: по желанию родителей и иногда по настоянию педагогов, которые занимаются с особыми детьми и считают, что образовательный потенциал ребёнка выше того, что может дать ему специальная школа.

Появился термин «инклюзия», близкий многим родителям. Психологию и философию инклюзивного образования многие учителя и родители приняли. Поэтому проблема включения детей с детским церебральным параличом и другими неврологическими

**Общественные слушания в Государственной Думе
инвалиды и сфера образования в России**

заболеваниями в начальное и среднее звено общественной школы уже давно назрела и не нова.

Вот некоторые проблемы и особенности обучения детей с ДЦП, с которыми нам пришлось столкнуться. В-первых, экономическая поддержка хаотична. общеобразовательная школа финансируется из определённых статей, которые идут, например, на физкультурное оборудование. Совершенно не учитывается, что в школе есть дети со специальными потребностями и им нужен особый перечень оборудования. Никто этого не слышит, и баскетбольные мячи раздают всем, — это достаточно частая практика по многим направлениям финансирования (питание, технологическое оборудование).

Очень слаба нормативно-правовая и методическая база: необходимо давать возможность школам (как на региональном, так и на муниципальном уровнях) применять вариативные стандарты. Мы их разрабатываем для себя, для того чтобы помочь ребёнку дальше социализироваться и обучаться. В течение двух последних десятилетий в Институте коррекционной педагогики не существует лаборатории по изучению детей с нарушением опорно-двигательного аппарата. Выпущенные в 80-х годах коррекционные программы уже давно не соответствуют стандартам, которые предъявляет Министерство образования и науки, и во многих регионах не могут быть использованы в образовательном процессе. Новых программ нет, детей обучают по программам, соответствующим интеллектуальному развитию ребёнка (ЗПР, лёгкая степень умственной недостаточности и по общеобразовательным программам). Это недопустимо, так как не учитывается специфика развития ребёнка с нарушением опорно-двигательного аппарата.

Вопрос об обучении кадров. Конечно, учителя школ не знают особенностей детей с нарушением опорно-

двигательного аппарата: приняли ребёнка в класс, он слушает; — понял — хорошо, не понял — результаты можно списать на его особый статус.

Учителей можно понять, им очень сложно, когда в классе где учатся 25–30 человек, появляется ребёнок с проблемами развития, например, с нарушением опорно-двигательного аппарата. У педагога нет возможности полноценно осуществлять индивидуальный, дифференцированный подход, про который мы очень часто говорим. Естественно, страдает качество образования как у ребёнка с нарушением развития, так и у нормально развивающихся детей.

Состояние педагога, который профессионально не удовлетворён результатами своей деятельности, очень противоречиво. А если, например, в классе 12 человек и там оказывается ребёнок с нарушениями, страдает финансовая сторона: педагогу за классное руководство доплачивают по количеству детей, а за ребёнка с нарушениями не доплачивают.

У учителя в такой ситуации нет поля для инклюзии. Например, мы как специальное коррекционное учреждение при передаче своих детей в школы основную задачу видим в организации продуктивного взаимодействия: помогаем семинарами, семинарами-практикумами, показательными занятиями, методическими пособиями, консультациями. Но всё это на уровне личного взаимодействия педагогов, чёткой управленческой политики в этом процессе нет.

Нельзя забывать, что ДЦП — сложный дефект. Трудно адаптировать общеобразовательные программы с учётом особенностей детей с такими нарушениями; нет методических пособий, которые облегчают ребёнку получение знаний, а это — самое главное.

Безбарьерная среда — это условие, при котором ребёнок с двигательными нарушениями мог бы пользоваться всеми инфраструктурами учреждения.

13

Перечисленные проблемы должны решаться на самом серьёзном уровне — уровне «Закона об образовании», в котором чётко прописано право любого ребёнка на образование. А профессионализм и опыт педагогов на местах помогут многим детям с проблемами развития успешно учиться в любых школах.

Чаще всего школьники, к которым приходит ребёнок с детским церебральным параличом, морально и эмоционально к этому не готовы, не готовы и их родители. В школах отсутствует психологическая поддержка детям с проблемами развития и их родителям, а если она есть, то не всегда профессиональна.

Во многих школах этого нет. Безбарьерная среда сейчас создана в четырёх школах Сорновского района Нижнего Новгорода, там есть возможность включать детей в систему общего образования.

Отсутствует реальная перспектива дальнейшего профессионального образования для таких детей. Потому что они часто не могут овладеть теми видами начально-трудоустройской подготовки, которую предлагают наши школы. Попыток это изменить не наблюдается, и поэтому у детей часто стоят прочерки в графе «труд», да и в графе «физическая культура» тоже.

И один вопрос, который сейчас широко обсуждается — отсутствие службы сопровождения ребёнка. Не обязательно, что это должен быть родитель, который тоже имеет личностные особенности и изначально тревожен за своего ребёнка. С этим ребёнком может быть волонтер, но всё равно он должен быть специалистом.

Галина Алексеевна Морозова, Волжский общественный благотворительный фонд «Дети в беде», г. Волгограда:

— Многие дети с онкологическими заболеваниями, с заболеваниями церебральным параличом и другими заболеваниями, которые не дают возможности посещать школу постоянно, находятся на домашнем обучении.

Одно из главных нарушений — это то, что для таких детей составляется расписание по остаточному признаку: учителя к ним ходят в то время, когда им удобно, когда они свободны. И независимо от того, в какое время ребёнку предписано лучше заниматься, в утреннее или вечернее, педагог приходит тогда, когда у него есть время. Очень часто учителя пропускают занятия по уважительным причинам. Но если в школе для всех ребят есть возможность этот урок заменить, то здесь уроки не заменяются.

Если дети имеют такую возможность и приходят в школу на лабораторные работы, семинары, их могут не пустить, поскольку за такого ребёнка учитель несёт ответственность. Получается, что попасть на уроки хотя бы тогда, когда ребёнок это может, ему возможности не дают.

Кроме того, из программы ребёнка, который занимается на дому, исключены рисование, музыка. Но именно наши дети особенно нуждаются в этих предметах, которые в дальнейшем дадут им возможность развиваться как личности. И совершенно не понятно, почему из программы исключена информатика: даже те дети, у которых есть компьютеры, не могут учиться информатике на дому. Это тем более странно, что для многих из них информатика в дальнейшем может стать профессией.

Ещё мне хочется отметить то, о чём, наверное, ещё не говорилось сегодня. Многие наши подопечные мечтают попасть на те мероприятия, которые считаются обязательными для всех остальных школьников — на классный час, собрание. Но их туда не приглашают!

Мы с коллегами решили помочь ребятам-инвалидам, тем, у которых нет материального достатка, попасть на выпускные вечера. Мы сделали для них отличные выпускные наряды, но ребята не пошли на вечер, потому что они психологически не готовы, их там не воспринимают, у них нет в классе друзей.

Или такой кричащий случай, когда 11-классника не позвали фотографироваться, хотя мама несколько раз просила: «Будет выпускной, пожалуйста, позовите, чтобы ребёнок хотя бы сфотографировался со своим классом». Всё это приводит к тому, что дети в лучшем случае замыкаются, а в худшем — становятся иждивенцами, поскольку им ничего в этой жизни не интересно.

Для таких детей необходимо ввести дистанционное, компьютерное обу-

**Общественные слушания в Государственной Думе
инвалиды и сфера образования в России**

чение, создать центры, в которых специалисты будут в них работать. Не у всех есть компьютеры, но мы эту проблему решаем своими силами, привлекая и банки, и организации, которые передают этим детям компьютеры. Но нет центра, который занимался бы с ними.

Вторая проблема: даже те дети, к которым учителя ходят чётко, всё равно отстают в образовании. Почему? Да потому что этих часов очень мало. Поэтому у нас работает так называемая программа «Школа радости», по которой к ним ходят студенты и дополнительно занимаются. Мы нашли возможность оплачивать эти занятия студентам через Центр занятости. Но это было очень сложно. Поэтому распространить это на всех мы не можем.

Ещё одна проблема тех детей, которые занимаются в так называемых центрах реабилитации. Сколько бы классов ни окончил ребёнок, как только ему исполняется 18 лет, его сразу же из этой школы выгоняют. Почему — непонятно: ведь он приходит в эту школу позже и больше нигде не может заниматься!

Этот вопрос надо решать. Почему бы в президентскую программу «Образование» при отборе лучших школ и лучших учителей не включить критерий отношения в школе к инвалидам? В эту же национальную программу предлагается ввести такой пункт: с детьми с отклонениями в здоровье могли бы заниматься учителя-пенсионеры, может быть, вместе с отстающими. Для одних это стало бы интеграцией, для других — подтягиванием до хорошего уровня.

Обязательно нужны программы толерантного воспитания, причём с детского сада. Такие программы мы разрабатываем, но это лишь «пилотные» программы. А апробировать их, скажем, на всей территории Волгоградской области сложно по одной простой причине: потому что общественная организация — это те, кто объединяет, в данном случае толь-

ко родителей детей-инвалидов, а финансовой поддержки государства у нас нет.

Анна Георгиевна Капрова:

— Я возглавляю Московскую организацию Всероссийского общества слепых, объединяющую инвалидов по зрению, которые получают высшее образование и после окончания вузов работают по специальности. В нашу организацию вступают все — от студентов до академиков. Мы также постоянно работаем со старшеклассниками с плохим зрением, разъясняем им их возможности и права на продолжение образования. В 2006 году мы выпустили второе издание Справочника для абитуриентов и студентов-инвалидов по зрению г. Москвы. Ежегодно в период приёмных экзаменов в вузы мы сталкивались с проблемой приёма документов у наших ребят. Но это были единичные случаи, которые, как правило, удавалось уладить. В этом году обстановка сложилась совсем иная.

Особенно сильно мы почувствовали это, когда наши абитуриенты пошли подавать заявления. Дело в том, что помимо 122-го закона вошёл в силу приказ 535-й Министерства здравоохранения и социальной защиты от 22 августа 2005 г. Тогда мы его не заметили и даже не поместили его текст в Справочник. Заметили в канун вступительных экзаменов и ужаснулись. Этот приказ формулирует определение критериев степеней трудоспособности. Оказалось, что большинство наших абитуриентов и студентов получают вторую степень трудоспособности. На первый взгляд это степень, которая вполне соответствует их состоянию. Ребята никогда об этом не задумывались, не видели в этом подвоха и поэтому не спорили с врачами. Знали, что третья — это нетрудоспособность.

В результате расшифровки, которая была указана в этом приказе, перед всеми этими ребятами закрылись двери обычных вузов: теперь они могут учиться

Надо обратить серьёзное внимание на те приказы и инструкции, которые выходят как будто в защиту инвалидов, должны действительно защищать их права, а не помогать чиновникам окончательно закрыть перед инвалидами двери вузов и других учебных заведений.

только в специализированных коррекционных вузах. А таких в России насчитывается меньше десятка. Резко сузился список специальностей, из которого инвалиды по зрению могут выбирать будущую профессию. Этим летом удавалось в целом ряде случаев изменить ситуацию благодаря тому, что некоторые вузы проигнорировали этот приказ и только там наши ребята были встречены нормально.

Я хочу обратить внимание на то, что этот приказ якобы был создан в защиту прав инвалидов, в нём декларируется, что инвалиды нуждаются в специальных технологиях, в специальной технике при обучении. На самом деле он стал орудием, которое позволяло закрыть двери вузов перед инвалидами. Был открыт новый клапан для усиления дискриминации людей с инвалидностью. Абитуриента, который, как известно, в период вступительных экзаменов находится в стрессовом состоянии, а тем более абитуриента-инвалида держат до последнего дня в неведении — будет ли он допущен к вступительным экзаменам!

Наталья Львовна Гузик, дефектолог (г. Белгород)

— Я более 20 лет занимаюсь абилитацией детей-инвалидов разных патологий по той простой причине, что 23 года назад мой ребёнок был выписан из роддома с родовой травмой, а потом, через два года, мне сказали, что он ещё и умственно неполноценный. Сказали об этом в Москве, после этого я занялась абилитацией, создала в Белоруссии, где я тогда жила, региональное отделение Ассоциации помощи детям-инвалидам, и с тех пор этим вопросом занимаюсь достаточно плодотворно.

В настоящий момент у меня Интернет-проект «Город золотой» и более двух тысяч подписчиков по всему миру, которые получают рассылки, рассказывающие, как заниматься с такими детьми родителям и специалистам.

Единой методологии по определённым патологиям, по определённым медицинским показаниям у нас фактически не разработано, за исключением, быть может, детей с патологией слуха и зрения. Нет и методологии по детям с ДЦП, которые должны получать одновременно медицинскую и социальную абилитацию, с коррекционным курсом, образованием на уровне средней школы. К детям с отставанием в развитии наши педагоги бояться подходить, если диагностировано отставание в развитии более чем дебильность (извините за старое употребление названия).

Второй вопрос. Медицинский беспредел. Если бы в наших учебных заведениях говорили о том, что лежачих детей вообще в природе быть не должно, так как если с ребёнком занимаются с рождения, то этот ребёнок лежачим не будет. Если бы говорили о том, что дети с синдромом Дауна — обучаемые и очень талантливые дети, что ребёнок с диагнозом ДЦП и глухой имеют полностью сохранный интеллект, то уже через семь-десять лет ситуация бы резко изменилась и у нас бы появились специалисты, которые могут с этими детьми работать. Но у нас этому не учат!

Далее. Российская семья, которая решила оставить ребёнка-инвалида дома, сразу получает кучу проблем. Мало того, что не менее 80% детей с диагнозом ДЦП (детский церебральный паралич) — это сломанные при родах дети. Мало того, что не менее 90% детей рождается с патологиями. Так ещё маму в роддоме с первых же не часов начинают обрабатывать: «Ваш ребёнок никогда не скажет «мама», никогда не будет читать и писать», и так далее и тому подобное.

Но вот родители решились забрать малыша домой и начинают метаться в поисках того, что им поможет. Ведь время в этом возрасте ребёнка не возможно переоценить, оно бесценно.

Абилитацией и реабилитацией детей-инвалидов занимается огромное количество организаций, как государственных, так и общественных. Каждая это делает на свой страх и риск.

**Общественные слушания в Государственной Думе
инвалиды и сфера образования в России**

У нас умеют работать с этими детьми: есть разработки Эмили Ивановны Леонгард, ориентирующие родителей на работу с детьми с первого дня рождения.

Алексей Иванович Бороздин создал в Новосибирске центр и занимается с «необучаемыми» детьми-инвалидами, от которых отказались все. Несмотря на то, что в его центре с детьми занимающихся только он и специалисты, без участия мам и пап, 70% этих детей идут в школы. Напомню, речь идёт о необучаемых детях-инвалидах. 100% этих детей, занимаются в центре Бороздина, социально реабилитируются. У нас в России есть методики, у нас есть чему учить и учиться. Но, к сожалению, в стране, в государстве нет единой методологии по этим вопросам. Нет финансирования. Необходимо ввести эти предметы на дефектологических факультетах, чтобы этому начали учить наших специалистов.

Посмотрим — как на деле. Пожалуйста, для примера, рязанская социальная коррекционная образовательная школа № 18. Прекрасные специалисты, прекрасные методики. Среднее образование получают ребята. Дальше, пишет директор: «Трудоустройство — одна из больших проблем, неслышащих на работу берут неохотно, педагогов волнует судьба выпускников». Пример: два года шла доколледжевая подготовка учащихся среднего образования (семь человек). В 2006 г. шесть человек поступили в Московский психолого-социальный институт на отделение социальной работы на платной основе. Почему на платной? Не хотят глухих брать!

Дальше. Их же выпускник Алексей Воронов — чемпион России по греко-римской борьбе, учится в РГУ имени Есенина — и тоже на платной основе.

Мы в Белгороде попытались выяснить, кто занимается этими детьми? Нас интересовали результаты работы соответствующих служб. От имени депутата Областной думы мы послали запрос за-

местителю Председателя Правительства Белгородской области, председателю департамента социальной политики: «Какое количество семей с детьми-инвалидами обследовано нашими социальными службами на предмет выявления социального статуса и особых потребностей ребёнка в плане образования, социальной помощи, протезирования? В том числе, какая работа ведётся, сколько у нас детей, которые получили образование (и какое), какое количество детей-инвалидов трудоустроено»? Получив ответ по этому запросу, можно будет составлять и утверждать программы фактически необходимой реабилитации ребят и социализации их в обществе.

Светлана Юрьевна Котова, коалиция общественных организаций инвалидов «Образование — право для всех»:

— Перечислим некоторые факты, ещё раз заострим на них внимание. У нас лишь треть из полутора миллионов детей с отклонениями в развитии (по данным Минобрнауки) получают специальную коррекционную помощь. Такая помощь оказывается либо в спецшколах, либо в коррекционных классах. Что делать с оставшимся миллионом детей? Понятно, что существующая система не справляется.

Мы знаем, что большинство детей, которые учатся в спецшколах, проживают в этих спецшколах, оторваны от семьи. И в этом смысле, конечно, дискриминируются по сравнению с другими детьми, поскольку право жить в семье и воспитываться родителями — одно из важнейших прав ребёнка.

Как уже говорилось, у нас 40% детей-инвалидов (200 тысяч школьного возраста) не получают образования вообще. Несмотря на то, что государственные органы отрицают это, фактически у нас в стране всё ещё существует понятие «необучаемый ребёнок». 80% детей с отклонениями в развитии — дети с нарушениями познавательной сфе-

Говоря о коррекционном образовании, надо иметь в виду, что эти дети должны учиться жизни, должны научиться выживать, а не прозябать в нашем социуме. Они должны выходить из школ-интернатов способными жить, личностями, осознающими ценность собственной жизни — бойцами, если хотите. Конечно, не каждый на это способен, но те, кто способен, должны получить возможность принести пользу этому обществу.

Концепция инклюзивного образования касается не только инвалидов, особые образовательные потребности есть и у детей, плохо владеющих языком, на котором ведётся преподавание, и у одарённых детей и т.д. Инклюзивное образование говорит о гуманизации образования, о необходимости учитывать индивидуальные особенности учеников.

ры и интеллекта; интеграция таких детей не требует дорогих технических средств, но для них нужно модифицировать образовательный процесс. Всё это свидетельствует о том, что нам необходимо в скорейшем порядке начать внедрять инклюзивное образование.

Основной его принцип: ребёнок с особыми образовательными потребностями должен обучаться в системе общего образования, в обычной школе. Школа должна создать все условия для того, чтобы эти специальные образовательные потребности удовлетворить, для того чтобы максимально развить потенциал ребёнка, его академическую и социальную успеваемость.

В этом вопросе можно сослаться на международное сообщество. На сессии Генеральной ассамблеи ООН принята Конвенция по правам инвалидов, в которой инклюзивное образование закреплено как единственный способ преодолеть дискриминацию инвалидов в сфере образования. Международные организации инвалидов, включая организации слепых и глухих, добились того, чтобы в международном документе был закреплён приоритет инклюзивного образования.

Должны быть на деле обеспечены права на образование всех детей. Также должна быть обеспечена реальная возможность права родителей выбирать образовательное учреждение. Сейчас, когда родители хотят отдать своего ребёнка-инвалида в обычную школу, они должны сами создавать для него специальные условия. Школа, которая это делает, сталкивается с большими трудностями.

У нас нет механизма создания специальных условий в общеобразовательных учебных заведениях. Что касается специальных школ, там тоже существует много проблем: например, если ребёнок слепой, и родители хотят, чтобы он учился в спецшколе, но такой школы нет, то, соответственно, регион

часто отказывается платить за обучение ребёнка в школе на территории другого региона, и качество образования таких детей очень страдает.

Поэтому необходимо создать финансовый, организационный и методический механизм создания условий. Изменения нормативной базы — это лишь малая доля того, что нужно сделать.

Очень важна поддержка семьи. Ресурсы направляются в интернатные учреждения: стоимость содержания ребёнка в интернате в разы больше того пособия, которое получают родители, практически нет государственной системы оказания коррекционных, педагогических, развивающих услуг для детей с тяжёлыми, комплексными нарушениями на дому. С момента рождения и практически при каждом взаимодействии с различными государственными учреждениями родители таких детей только и слышат о том, что ребёнку будет лучше жить в интернате. Сейчас, когда весь мир стремится избавиться от интернатов, поддерживать семью, предоставлять раннюю помощь и другие услуги таким детям на дому, мы создаём новые и новые интернаты.

Меня также задевает укоренившееся представление о родителях детей-инвалидов. Я была ребёнком-инвалидом, у меня много друзей с инвалидностью, и все мы из благополучных семей. Мы должны научиться верить в родителей и доверять им. Ведь какими бы специалистами мы ни были, как бы мы ни переживали за этих детей, родители знают ребёнка лучше всего, беспокоятся за его судьбу больше всех. Почему мы не даём родителям решать, где и как будет жить и учиться их ребёнок?

Наша система образования должна строиться на уважении достоинства ребёнка. В законе «Об образовании» написано, что программа специальных школ должна соответствовать возможностям и особенностям развития ребёнка.

**Общественные слушания в Государственной Думе
инвалиды и сфера образования в России**

У нас до сих пор программа не соответствует их возможностям, она соответствует какой-то норме. И если ребёнок не соответствует этой программе, то он образования не получает. При реформировании нашей системы образования, при работе с детьми надо помнить, что школа создана для детей, а не дети для школы.

Роберт Акопович Амасьянц, декан факультета специальной педагогики и психологии Московского государственного областного университета, доктор медицинских наук, профессор:

— Известно, что степень восстановления утраченных функций и личности ребёнка в целом зависят от профессиональной подготовки и комплексного сопровождения этого контингента детей специалистами разного профиля. Поэтому для изучения состояния кадрового потенциала системы специально-коррекционных и общеобразовательных учреждений, учреждений здравоохранения и социального развития, в которых проводится и психолого-педагогическая реабилитация, мы провели мониторинг по специально разработанной анкете, в которую вошёл блок вопросов как по штатному расписанию, так и по уровню профессиональной подготовки специалистов.

Результаты системного анализа полученных из 70 регионов анкет показали: в медицинских учреждениях в штатные расписания включены должности врача, среднего и младшего медицинского персонала, психологов, логопедов. Однако отсутствуют ставки педагогов, специальных психологов, воспитателей, педагогов по дополнительному образованию. Из общего количества ставок штатного расписания лишь по одной ставке отведено на логопеда и психолога. В образовательных учреждениях в штаты, помимо педагогов и психологов включены ставки врачей и среднего медицинского персонала. Однако при отсутствии законодательного закрепления

сохранения профессионального стажа врачей и медицинских сестёр, работающих в системе образования, педагогов и психологов в системе здравоохранения и социального развития, штатное расписание заполнено в основном специалистами пенсионного возраста и работающими по совместительству.

Обеспечение психолого-педагогическими кадрами образовательных учреждений, работающих с детьми с ограниченными возможностями здоровья, относительно удовлетворительное. Однако в штатном расписании большинства из них не предусмотрены ставки специального психолога, а количественный состав специальных педагогов не всегда соответствует профилю учреждения.

При изучении кадрового потенциала специальных коррекционных и общеобразовательных учреждений системы образования мы обратили внимание на результаты анкетного опроса специалистов различного профиля по уровню их знаний для работы с детьми-инвалидами.

Перед специалистами было поставлено два вопроса:

1. Обладаете ли вы достаточным уровнем знаний по медико-социальным аспектам реабилитации детей-инвалидов?
2. Обладаете ли вы достаточным уровнем знаний по психолого-педагогическим аспектам реабилитации?

Результаты анализа полученных ответов позволили сделать следующее заключение: специалисты-педагоги и психологи практически не владеют медико-социальными аспектами реабилитации, слабо подготовлены в области клинических основ даже тех форм заболеваний, которыми страдают их ученики.

А врачи, работающие в системе образования, к сожалению, не овладели не только специально психологическими и специально педагогическими подходами к работе с таким контингентом детей, но и общепедагогическими и общепсихологическими.

19

Количество ставок медицинских сотрудников в образовательных учреждениях и специалистов психолого-педагогического профиля в медицинских не соответствует нормативам, необходимым для полноценного проведения психолого-педагогической и медико-социальной реабилитации.

Нормативным актом правительства снижен минимально гарантированный уровень социальной защиты — по сравнению с тем объёмом, каким он определён в Конституции.

Ирина Викторовна Ларикова, Центр лечебной педагогики, Москва.

— В течение десяти лет, вопреки Закону «О социальной защите инвалидов в РФ», не принимался «Федеральный перечень...», и, соответственно, не конкретизировались обязательства государства в сфере реабилитации, — теперь, вынужденный принять, наконец, «Федеральный перечень...», Минздравсоцразвития использует его как инструмент для продолжения саботажа реабилитационной поддержки образования. В частности, «Федеральный перечень...» не включает в себя (цитирую из Закона): «социально-средовую, социально-педагогическую, социально-психологическую, социокультурную реабилитацию и социально-бытовую адаптацию», которые в совокупности определяются Законом «О социальной защите инвалидов в РФ» как одно из «основных направлений реабилитации» и не могут быть не отражены в «Федеральном перечне...». И вследствие этого в «Федеральном перечне...» никак не отражены и услуги по психолого-педагогической реабилитации детей-инвалидов, которые только что были перечислены.

...Нельзя серьёзно говорить о так называемом «согласии» родителей на то, чтобы отдать ребёнка в интернат, потому что это делается под давлением, по принуждению — начиная с роддома, с запугивания родителей: родите себе другого ребёнка, отдайте этого, а там с ним справятся. Одна из форм этого давления — миф, что такие дети рождаются только в социально неблагополучных семьях.

Родители отдают детей из семьи в интернаты от отчаяния, от безысходности. Приоритетная поддержка интернатных форм по сравнению с семейными провоцирует семью «сдать» ребёнка, что на самом деле крайне невыгодно государству.

Светлана Феликсовна Суворова, член Центрального совета общественного движения «Образование для всех»:

— Россия — одна из немногих развитых стран, в которой до сих пор не принят закон о специальном образовании лиц с ограниченными трудовыми возможностями. Министерство образования при последней реорганизации полностью ликвидировало подразделение, отвечающее за формирование государственной политики и за качество образования людей с ограниченными возможностями. Специальное коррекционное образование и образование людей с ограниченными возможностями осталось за рамками федеральной целевой программы развития образования на 2006–2010 годы и за рамками приоритетного национального проекта «Образование». В системе избрания лучших школ и лучших учителей в проекте подчёркивается: общеобразовательная школа и учитель общеобразовательной школы.

Во многих регионах под разным предлогом, о чём уже неоднократно говорилось, закрываются коррекционные школы. На общественных слушаниях «Образование глазами родителей» мы говорили, что по данным Минобразования, за последние полтора года было ликвидировано около 150 школ и процесс этот продолжается. На надомное обучение переводят детей, которые могли бы учиться в школе. Разве всё это не дискриминация? Надомное образование отличается от школьного даже по объёму учебных часов. Инвалидное удостоверение становится для ребёнка запрещающим фактором в реализации его конституционного права на получение образования. Для ликвидации нарастающей дискриминации российских инвалидов в области образования необходимы помощь и поддержка руководства страны.